

КНИГИ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ

Волкодав

Волкодав. Право на поединок

Волкодав. Знамение пути

Волкодав. Самоцветные горы

Волкодав. Истовик-камень

Волкодав. Мир по дороге

Валькирия

Лебединая дорога

Меч мёртвых

Викинги

Поединок со Змеем

Братья. Книга 1. Тайный воин

Братья. Книга 2. Царский витязь. Том 1

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**

БРАТЯ

**Книга 2
ЦАРСКИЙ ВИТЯЗЬ**

Том 1

АЗБУКА

Санкт-Петербург

АВТОР СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИТ:

Валентину Андрианову
Василия Семёнова
Виктора Краснова
Юрия Соколова
Павла Молитвина
Юлию Зачёсову
Саву и Ружицу Росич
Аллу Земцову
Ольгу Кадикину
Павла Калмыкова
Светлану Лаврову
Максима Герасимова
Фезулаха Велиханова
Хаджимурада Малаева
Александра Урбанского
Юрия «Барса»
Александра Прозорова
Татьяну Купреянову
Алексея Мехнецова
Александра Теплова
Игоря Крашенинникова
Елену Буданову
Евгения Гольнского
Алексея Богомолова
Елизавету и Константина Кульчицких
Татьяну и Вячеслава Маркеловых
Феликса Разумовского
Дмитрия Кукушкина
Алексея Лыгина
Рустама Гасанова
Анатолия Кутузова
Дениса, Алёну, Наталью и Марию Васильевых
Павла и Ладугу Шмырёвых
Елену, Николая и Вячеслава Темруков
Сергея Медведева
Максима Хорошковатого
Марину Махорину
Николая Барабанщикова
Алексея Бокатова
Галину и Максима Ващуков

НАЧИН

Разбойное корыто

Всего на третий день пути Бакуня Дегтярь сломал ложку.

Только что снялись со стоянки, только что впереди начала являть себя Огарок-скала, а за ней, сквозь морозную дымку, — каменные стремнины Кижной гряды... И на тебе пожалуй!

Вроде ведь ничего такого не делал. Не карабкался по торосам, испытывая крепость снегоступа опорой лишь на носок да на пятку. Не сползал с косогора, насилуя боковины и путца. Всего-навсего тропил, привычно прокладывая стезю упряжным оботурам. Даже морозная настылъ была не самая жесточая. Не щерилась ледяными ножами, не грызла кожаную заплётку. Лишь тонко звякала, послушно уступая нажиму. И вдруг... Бакуня даже не услышал, как хрустнуло. Посреди очередного шага ремни под левым валенком просто обмякли, не давая опоры. Дегтярь остановился, выпростал ногу из россыпей скатного серебряного бисера. Так и есть! Деревянный обод переломился, как гнилью траченный, да по обе стороны разом. А ведь берёг, просушивал, маслил...

Делать нечего, охромевший и недовольный Бакуня сосступил в сторону. Пропустил сменщика, оботуров-дорожников, потом сани.

— Левая? — присмотрелся с козел молодой Коптелка. Одна нога у парня была деревянная по колено, вроде дома сидеть, но дорога не дорога была бы без его прибауток. Он и теперь проказливо улыбнулся, вспомнив приметку: — Смотри, баяшка торгован, кабы у хозяйюшки в разлуке терпение не иссякло...

Слышавшие с готовностью засмеялись.

— Цыц, пустомели! — больше для виду рявкнул Бакуня. Сам не выдержал, заулыбался. С супругой Удесой он прожил

в согласии двадцать два года. Кому верить, если не ей. Уж она дом рукавами не растрясёт, чести мужчиной не уронит!

Только ребятам хоть кол на голове затешу. Которую весну выбирался с ними Бакуня на бойкие купилища Левобережья — а молодцы всё пошучивали о большаке и большухе. Иные сами успели жениться, над ними, вестимо, тоже трунили. Однако галухи по поводу хозяев были самыми старыми, памятными, любимыми.

Покидая свой зеленец, Бакуня неизменно ждал, когда начнутся потешки. Дождавшись — облегчённо переводил дух. Смеются — значит отходят от домашней тоски, вработываются в походную жизнь.

Нынче лихословы отважились помянуть даже меньшую Бакуничну.

— А то кабы Аюшка не забыла святой воли родительской, мила дружка не приветила. Да вперегон старшей сестрице... — запустил ломким, почти мальчишеским голосом всё тот же Коптелка.

Работники постарше цыкнули на болтуна. Как люди говорят: шути, да оглядывайся.

Передние сани без натуги двигались проторённым путём. Тяга ли двум по-зимнему косматым быкам жилой оболочкой с одеялами и припасом! Бакуня шагнул в полозновицу, догнал, подсел сзади. Неторопливо отвязал поломанный снегоступ. Присмотрелся, досадливо качнул головой. Обод, похоже, отслужил. Так сломался, что в дороге толком и не поправишь. Разве от большого горя палками надвязать. Дома можно бы склеить, но веры ему, склеенному, как луку надломленному.

«Отгадывает, поглядим. Заплётка ещё может в дело сгодиться...»

Сколько лет полной чашей был его дом, а бережливая привычка держалась.

Бакуня по пояс влез в оболочку, ощупью добыл лапку для смены, но сразу обуваться не стал. Задержался, покоясь на озадке саней, с удовольствием глядя, как покидают след кованые полозья, как дышит густым паром вторая упряжка. Задние сани были знатно нагружены. Под широкой полстиной опрятными рядами выпирали бочонки, маленькие и побольше. Все — туго заколоченные, но запах земляного дёгтя не ведал преград. Кому — смрад зловонный. Кому — сегодняшнее достояние, завтрашние прибитки.

И даже небывалая, всему Левобережью на удивление, долюшка для старшей дочери, Чайаны...

Смех вспомнить теперь, как померкли они с Удесой, обнаружив, что вода в доставшемся ключище оказалась мутная и вонючая. Где ж сразу догадаться, что кручина — вроде ореха: тверда скорлупа, да внутри — хмельная сладость удачи.

Когда это было! Вот уж двенадцать лет промелькнуло.

«А не тот я стал... Ох, не тот. Отяжелел», — вдруг понял Бакуня, схватившись, что слишком засиделся на санях. Раньше небось перебулся бы на ходу. Да не сидя, как теперь, даже не на корточки опустившись, — лихо, ухарски изломив гибкую поясницу.

«Ещё не хватало, чтоб люди заметили...»

Нахмурился, быстро затянул путца, спрыгнул, сжистно побежал в голову поезда.

*Чтоб саням добавить прыти,
Девоч вывезем в корыте! —*

задавала шаг нагальная песня. Коптелка запевал, ребята подтягивали.

*Сани белы лебеді,
На дорогу выводі,
Ползут, ползут,
Двинули!*

Сменщик, уже начавший отдуваться, обрадованно свалился назад. Он, как и хозяин, успел шагнуть в пятый десяток.

— Пенькова дела снегоступы в Торожихе куплю, — сказал Бакуня. — Кстати, и сведаю, вправду ли так хороши, как бают про них.

Работник поправил меховую рожу, неуверенно отозвался:

— Так помер он вроде, Пенёк-то... Года три или четыре тому. Дикомыты же! В стеношном бою зашибли, и не очнулся.

«Куда еду...» — далеко не впервые ужаснулся про себя Дегтябрь, но вслух сказал:

— А я слышал, сынишка Пеньков ремесло успел перенять. Сам ещё титьку мамкину не забыл, а лыжи источит шаговитей отцовских.

Обозник пожал плечами:

— Ты, хозяйнушка, уж как хочешь, а только небылое это дело, чтобы мальчика источником называли.

Бакуня выпрямился, разгладил русую бороду, весело подмигнул:

— А былое дело, чтобы простые острожане с праведной семьёй своились?

Возражать стало нечего. Молодцы опять взялись смеяться. Спорщик покаянно развёл руками:

— Истинно люди глаголют, миновалось прежнее царство. Новое настаёт.

Беда положила начало цепи Бакуниных горестей и удач. Он в то время только отстроился, только начал жить своим очагом. Плáнувший с неба огонь его не задел, хотя родительский двор в Истомище, многолюдный и крепкий, просто исчез. Потом всё начало замерзать. Люди неволей переселялись к горячим источникам. Бакуня разведал добрый кипун, но дорожку перебил расторопный сосед. Андарх Лигуй по прозвищу Голец.

«Ступай себе, — сказал он Бакуне. Позади хозяина стояли ражие ухо-парни, удалцы не выдавцы. — С этого ключища моей-то чади вполсыта жить. Поближе к холмам другой зеленец есть...»

Делать нечего, Бакуня утёрся. Хотя на ключах Порудницы два двора как раз поместились бы. С андархами в Левобережье спорить было не принято...

А обещанный Лигуем зеленец вправду теплился на полпути до холмов. Такой, что впору показалось заплакать. Несколькo провалов с мутной водой, булькавшей масляными пузырями. Водича горчила, смердела, умаешься кипятить на питьё... Ладно, по крайней мере, здесь не морозило. Бакуня засучил рукава. Собрал к себе отцову дворню. Всех уцелевших. По бревну перетащил дом...

Теперь он не знал, которых Богов отдаривать за везение.

Земляной дёготь, точившийся в глубине ям, прекрасно горел. В умелых руках ещё и целил язвы, причинённые покусамн стужи. Довольно скоро Бакуня заложил в Ямищах промысел. Начал выбираться к ближним соседям, менять горячую смолу на зелень и рыбу. Позже прослышал, сколько Лигуй де-

рёт на купилище за его дёготь. В сердцах метнул шапку оземь, стал ездить сам.

Когда старшенькую, Чайну, ребята с торжеством провезла кругом зеленца, а мать вплела ей в косу цветную ленту, Лигуй заслал сватов. У него, как и у Бакуни, мужал под рукой толковый наглядьш. Звался Порейкой.

«Сговорена уже Чайна», — ответил Дегтарь.

«Да за кого успел?..»

Голец чуть зубами не скрипел от досады.

«Ступай себе, — сказал Бакуня. — Других девок полно...»

Беда оставила немало сирот. Иные, кого она застигла ещё в пелёнках, даже родства не помнили. Двоих таких мальчишек Бакуня вырастил у себя. Глядя, как поднимаются Угляр и Коптелка, временами жалел, что сразу не засыновил. Временами, наоборот, подумывал обоих приязнить, окрутить с ними дочерей.

Хорошо, что не поторопился. Вмешалась судьба, всё расставила по местам...

— Куда едем-то, а, большак?.. — задорно окликнул с козел Коптелка. — Куда деток несмышлёных на погибель ведёшь?..

— Ори громче, — посоветовал вечно хмурый Угляр. — Накликаешь! Ты, батюшка, не бери его другой раз.

Коптелка звонко расхохотался. Уж этой грозы ему не надо было бояться. Оботуры никого так не слушали, как его.

— Кишки простудишь, хохотун, — буркнул Угляр.

Левобережники редко высывались за Светынь. Если на то пошло, Бакунины соотчичи и на юг ездили нечасто. Хотя сами себя считали наполовину андархами и с гордостью, в знак давней принадлежности, звались гнездарями. В коренных землях на них всё равно посматривали свысока. Кому охота чувствовать себя правнуком покорённых, вторым разбором среди былых победителей?

— Навались, родимые! — весело отвечал хозяйским мыслям Коптелка. — Наддай, Сивушка!

Каково-то покажется за Светынью, где второй разбор превращался в третий... Дикие дикомыты некогда намылили холку завоевателям. Не пустили Ойдриговичей к себе на Коновой Вен, да и всё тут. И как Бакуне разговаривать с ними? Если

они гордым андархам, вселявшим в него наследную робость, показали дорожку до самого Шегардая?..

Ну ничего. Знакомыми местами в сотый раз ездить, скучновато жить станет. Иные, как сегдинский Геррик, давно разведали путь за Светынь и теперь что ни весна спешат в Торожиху. Вернувшись, рассказывают про дива и чудеса. Вроде целебных чёрных камней, привозимых на торг из лесных захолуствий. Как тут не разгореться глазам!

— Всё ты недоволен, Бакунюшка, — смеялась жена. — Прозвали уже Дегтярём, ещё и Снадобщиком вздумал прослыть на старости лет?

Бакуня в ответ подмигивал:

— Коли нового желаю, стало быть, не вовсе состарился.

Смех смехом, а жилка подрагивала. Остерегала. Тревожно это, когда всё удаётся. Вот ломишься сквозь череду мелких невстреч, и сама собой успокаивается душа: судьба взяла плату. А вот если всё время по ветру мчишься, рождается беспоконья. Ну как с разбегу да об телегу?

С таким попечением только дома сидеть, за лавку держаться.

Бакуня подумал о сломанной лыже, улыбнулся.

— Отик... — ластилась к нему младшая дочь, Аюшка. — Привези ты мне, отик, с правого берега валеночки, как там делают: все целиком катаные...

— Не босая ходишь, — строго заметила мать. — Доброго пути отцу пожелай, и будет с тебя.

Аюшка расплакалась:

— Всё ей, Чайане!.. И жених, какого больше не сыскать... и подарки...

В четырнадцать лет хочется разом всего, да прямо сейчас. Год предстаёт вечностью, которой не пережить. Особенно когда родная сестра уже повязывает платочек внахмурочку, готовится укрыть лицо под фатой. Мать напомнила:

— Чайана старшая. Настанет ещё твой черёд.

И верно. Меньшая дочь Дегтяря вряд ли лавку насквозь просидит, сватов дожидаясь. За Кижной грядой обжился давний друг Бакуни, Десибрат Головня. Он с сыном теперь уже складывает в лубяные короба новенькие горшки да тонкие мисы, заботливо ухичивает мхом — везти в Торожиху. Никто

не помешает в дороге о детях поговорить. О чём-нибудь сговориться...

Притихшая Аюшка до самого леса шла за санями вместе с матерью и сестрой. Обняла отца напоследок. Долго махала вслед вышитым полотенцем, чтоб дорожка ровной была...

Кижная гряда звалась так испокон веку. Когда осень валилась в зиму и первые хлопья кружились над мокрым лесом, чтобы назавтра же стаять, — в холмах снег ложился сразу и прочно. Шеломянный Хозяин копил его до самой весны. Не просто копил. Баловался, скидывал в удоля лавины. Гремящие белые клубы крушили, пугали, сулили вовсе убить. Долина, пересекавшая кряж, гладкая и удобная летом, за такой зимний норов слыла Разбойным корытом. После Беды ездить здесь стало невмоготу. Бакуня и Десибрат поначалу разведали окольную тропку. Год спустя посоветовались, дружно взялись — и выстроили бревенчатые стенки по верху склонов в коварных местах: удерживать снег. А двинется, потечёт — спускать в боковые распадки. Немалая работа была. Впору гордиться.

Шеломянному Хозяину, чтоб не сердчал, подарили целого оботура. Однако Хозяин оказался жаден невмерно. В плату за отнятую забаву понадобилась ему ещё Коптелкина нога, раздавленная валуном. Камень, покалечивший парня, до сих пор торчал из-под снега. Проезжая мимо, Коптелка неизменно грозил ему кулаком.

Зато Разбойное корыто ныне считалось самым простым и спокойным локтем дороги на север. К чему сам приложил руки — не подведёт.

У Огарок-скалы сделали недолгую остановку. Перепрягли оботуров. Тех, что пыхтели в гружёных санях, поменяли с дорожниками. Хоть и безопасными стали Кйжи, всё лучше побыстрей миновать.

Пока работники развязывали и вновь завязывали ремни, Бакуня подошёл к подножью утёса. Задрал голову, посмотрел вверх.

Прежде Беды каменный лоб покрывало корявое цепкое мелколесье. Теперь из расщелин торчали обугленные остатки

корней. Бакуня сдвинул меховую личину. Снял шапку. Развернул добрые домашние лепёшки. Надкусил одну, положил в обледенелую выбоину. Сверху добавил хорошего мороженого шокура.

— Угостись со мной, батюшко, Хозяинушко шеломяный... да уж и пропусти незаказно.

Отошёл, оглянулся. Впадина камня напоминала рот, запахнутый в неистовом крике. Навстречу поезжанам из Разбойного корыта вытягивались тучи, застрявшие на вершинах гряды.

Сменив левую лыжу, Бакуня помимо воли стерёг правую: вдруг тоже сломается.

«Вот доберусь в Торожиху — в самом деле Пенькова сына искать пойду. Гляну, что привёз...»

Купилице злых дикомытов временами лежало прямо за поворотом. Временами — отодвигалось на другой конец света: нипочём не достигнуть.

«Да что ж я за беспокойник такой?»

На первом своём торгу в Андархайне он тоже боялся. И неспроста. Еланым Ржавцем владел царевич Коршак. Восьмого наследника Огненного Трона величали за глаза Жестоканом. Стоя в смоляном ряду, Бакуня со всех сторон слушал жалобы. Торговый народ кряхтел и чесался. Больно тяжкие поборы изволил наложить государь!

Неволей испугаешься, когда подбегает запыхавшийся голец. Царевич желал видеть Бакуню.

«По заслугам честь! — обрадовался весёлый Коптелка. — Во дворец праведного Аодха тоже не одни красные бояре входили! И ремесленники добрые, и купцы... Меня возьмёшь с собой, батюшка?»

«Всё дурню пестюшки, — тревожно буркнул Угляр. — Вот останется Жестокан подарками недоволен...»

Ох тогда взметался Дегтарь. Ох себя корил! Седина в бороде, а не смекнул, что соглядатаи царевича мигом высмотрели на купилице нового торгована. Хоть кто бы предупредил! Чем же поклониться грозному волостелю?.. Впопыхах нагрузили вместительную ручную тележку. Бочонками вынесли

жидкий дёготь для заправки светильников. Малосенькими горшочками — чистый и плотный, многоценный, целебный.

Бакуня знал: Коршак был очень немолод.

«Столец ему небось подушками умягчают, пищи всё тонкие подают... Почечуем наверняка скорбит, — подсказывал опыт снадобщика. — Где ж ему теперь достать ревеню, тмина, рябины, хотя он и царевич? Как бы изловчиться лекарю посоветовать старца на ведро с дегтярным дымом сажать... да чтобы государь не прогневался, чести своей проносу не усмотрел...»

С трепетом отправлялся он на Коршаков двор. Робея, складывал подношения... не чаял голову на плечах назад унести...

Знал ли, что входит просто Дегтярём из никому не ведомых Ямищ, а выйдет — молвить боязно, свояком Коршаковым... ну почти...

В самом сердце гряды раскинулось помосье — просторная поляна между холмов, удобная для стоянки. Там можно будет снова перепрячь оботуров, поменять сани упряжками. И без того дошли бы до Десибратова зеленца, но свежей силой вывезут побыстрей. Своя земля Разбойное корыто, своими руками огоенная... а всё охота выбраться без задержки. По старой памяти, верно.

Не оттого ли собаки, бегущие у полозьев, знай поглядывают на затянутые туманом вершины, знай нюхают воздух, дыбят на загривках щетину...

«Водворится призяченный, обживётся чуток, надо будет сюда его захватить, — подумал Бакуня. — Да особо не упреждать, что безопасна дорога. Сразу видно станет, каков удалец...»

От мысли о скорой дочкиной свадьбе голова начала легонько кружиться.

Удеса, помнится, тоже испугалась мужниной удачи. Расплакалась:

«Высоко загляделся, Бакунюшка! Мы люди простые, минуй нас гнев царский, а любовь — того пуще...»

«Не заглядывался я, — хмурил брови Дегтярь. — Мысли не держал. Сам позвал меня, сам золотую свачку к нашему колечку примерять стал!»

Чаяна, доченька, тогда глупа ещё была. Ничего не понимая, на всякий случай цеплялась за мамкин подол, ревела ревмя.

С тех пор много снега на Кижии вывалилось. Подрос жених, наспела невеста. В самый год сговора ушёл к родителям престарелый царевич. Только сговор нерушимо стоял. В праведной семье от слова не пятили.

Удеса себе уж рубаху в две строки вышила, старушечью, после дочкиной свадьбы надеть...

— Слышишь, батюшка большак! — окликнул неугомонный Коптелка. — Не велишь костерок на помощь развести для обогрева? Нога холодом замлела, сил нет!

И гулко притопнул концом деревяшки.

Работники засмеялись.

— А вот бы из фляги глотнуть, из той кожаной...

— Потёрпите, — строго молвил Бакуня. — Завтра у Десибрата согреемся.

— Батюшка! А что делать станешь, коли зятёк от нашего дётю нос сморщит?

За минувшие годы вроде все жениховы косточки обглодали. Стоило приблизиться свадьбе, взялись заново.

Бакуня сам порой закатывал глаза, пытаясь представить, как начнёт приобщать юного Коршаковича промыслу. «А что? — утешала жена. — Мальчонка пригульной, а всё кровь царская. За что ни возьмётся, споро осилит!»

Детярь обмахнул с бороды иней, пряча улыбку:

— Сморщит, возьму тебя с Аюшкой окручу.

Коптелка упал навзничь на козлах, дрыгнул в воздухе обеими ногами, деревянной и в валенке, заголосил:

— Погубили добра молодца-а-а...

Парни дружно захохотали.

Оботуры вскинулись, взревели, все шесть разом поднялись в рысь. Заметались, залаяли, взвыли псы.

Бакуня ещё смеялся, ещё хотел попенять Коптелке за переполох... когда сверху, с мгlistых вершин, неожиданно и сильно ударило ветром.

Так сильно, что у Бакуни слетел с головы треух и от внезапного ужаса заледенело нутро.

Мгновением позже начала дрожать земля под ногами.